

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РУССКИЕ БЫЛИНЫ

Б. А. РЫБАКОВ

Величественные и торжественные напевы русских былин донесли до наших дней живой песенный сказ о могуществе Руси при Владимире Святославиче, о степных богатырских заставах, о трудных битвах с кочевыми ордами. История тысячелетней давности дожила до нас в устной передаче как народный учебник родного прошлого, в котором отобрано главное в героической истории народа.

Еще в домонгольское время один из основных героев русского былинного эпоса — Илья Муромец — стал известен и западноевропейскому эпосу¹. В начале XV в. в связи с возрождением интереса к истории свободной домонгольской Руси, имена былинных героев попадают на страницы русских летописей². В XVI в. былинами и былинными героями интересовались все русские люди, от столичных историков (Никоновская летопись) до таких провинциалов, как Филон Кмита — оршанский староста, переписывавшийся со своим другом по поводу былин³. Путешественникам тогда показывали в Киеве в галереях Софийского собора гробницы Ильи Муромца (Елии Моравлина) и его товарища⁴. В начале XVII в. Ричард Джемс увез в Англию, в Оксфорд, русские записи ряда былин. В первой половине XVIII в. был составлен знаменитый сборник былин (с нотами) Кириши Данилова. Открытие П. Н. Рыбниковым в 1860 г. живого источника былин на русском Севере произвело целый переворот в русской и европейской науке, позволив по-новому подойти к изучению как русского эпоса, так и песен Гомера и цикла песен о Нибелунгах⁵.

С тех пор многие десятки экспедиций собирали сокровища «русских рапсодов» и многие сотни ученых различных стран изучали русский былинный эпос. Естественно, что за это столетие выявилось много различных точек зрения на время возникновения былин, степень их исторической достоверности, причины их появления и упадка и т. д.

Прежде всего былины были истолкованы как отражения мифологических представлений древних славян. Школа Афанасьева и Ореста Миллера не нашла продолжателей, так как наука довольно быстро обратилась к историческому осмыслению былин, сопоставляя имена

¹ А. Н. Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. ИОРЯС АН, 1960, т. XI, кн. 3; А. И. Лященко. Былина о бое Ильи Муромца с сыном. «Краткий отчет о деят. Об-ва люб. древн. письменности и искусства за 1917—1923 гг.», Л., 1925, стр. 60—61.

² Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. «Тр. отдела древнерусск. лит-ры», т. VII, Л., 1949.

³ Б. М. Соколов. Былины, М., 1918, стр. 187.

⁴ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Опыт критико-библиографического обзора, Киев, 1896.

⁵ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2 (далее — П. Н. Рыбников), т. I—III, М., 1909.

былинных героев с историческими лицами, былинныя события с летописью. Создалась так называемая «историческая школа», которая по существу была представлена двумя различными направлениями. Одни ученые во главе с А. Веселовским рассматривали русский эпос как часть мирового творческого процесса, как объект всесторонних влияний то с Запада, то с Востока. Другим, важнейшим, направлением было собственно историческое или, как его иногда называют, «историко-бытовое», возглавленное Л. Майковым и Всеволодом Миллером. Позднее его последователями были М. Н. Сперанский, Б. М. и Ю. М. Соколовы и др. Одна из основных задач этого направления — историческое истолкование былин, сопоставление их с письменными источниками, расположение в хронологической последовательности сюжетов и изучение поэтики былин.

Буржуазная «историческая школа» поставила и по-своему решила три основные проблемы былинноведения. Первая из них — это вопрос о заимствовании русским эпосом «бродячих сюжетов» мирового фольклора и о воздействии международного легендарно-апокрифического фонда. Нельзя, разумеется, отрицать одинаковости ряда сюжетов, но сущность дела заключается в том, чтобы определить причины ее. И среди буржуазных исследователей не было единства в этом вопросе. Как ни значительна была фигура такого крупного знатока и талантливого исследователя, как А. Веселовский, но и она не могла заслонить собой ученых, выражавших иные взгляды. Так, например, А. Кирпичников был сторонником конвергентного, самостоятельного возникновения сюжетов, исходя из сходства исторических условий у различных народов. Впоследствии в более общей форме, применительно к верованиям, эту мысль убедительно обосновал Д. Фрезер. Возможно, что сюжеты могли «бродить» только в тех пределах, где конвергентным развитием была уже подготовлена почва для сближения сюжетов или имен героев.

Нельзя отрицать и взаимного влияния одного национального фольклора на другой, но всегда надо найти и указать конкретные пути этого влияния. Это могут быть колонизационные потоки, регулярные торговые связи, сопряженные со знанием языка, брачные связи феодальных монархов, сопровождавшиеся переездом вместе с невестой ее штата придворных певцов и музыкантов, наконец, постоянный поток пилигримов-паломников, «калик переходящих», которые со всего христианского мира стекались в Константинополь, и особенно в Палестину, общались здесь и снова растекались по своим землям с большим запасом впечатлений и фольклорных сведений.

Методической ошибкой школы Веселовского было то, что она начала исследование с поисков аналогий во вне, тогда как этим нужно было завершать исследование, изучив предварительно русские былины, как продукт русской действительности определенной исторической эпохи. В самое недавнее время подробный критический разбор этой школы компаративистов произведен В. М. Жирмунским⁶.

Вторая проблема, также вызывавшая споры буржуазных ученых, это проблема определения той социальной среды, в которой создались первоначально былины. Наряду со сторонниками народного происхождения былин были и сторонники аристократического, придворного их происхождения. И чем дальше развивалась буржуазная фольклористика, тем звучнее становился голос этой группы, отводившей народу лишь пассивную роль исполнителя чужих песен.

Ярче других теорию аристократического происхождения былин выразил Всеволод Миллер: «Наш былевой эпос представляется мне гран-

⁶ В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, Доклад на IV Международном съезде славистов, М., 1958.

диозной развалиной, обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен.

В этом здании жили некогда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусией и восточными коврами.

В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки и, наконец, в кое-каких еще обитаемых закутках устроился неприхотливый олонецкий крестьянин»⁷.

Третья проблема, поставленная и частично решенная буржуазной фольклористикой,— это раскрытие конкретно-исторического содержания былин в их первоначальном виде и выявление ряда позднейших напластований. Однако следует сказать, что буржуазная «историческая школа» очень ограниченно понимала задачу сближения былин с историей. В основном это было комментирование отдельных былин при помощи отдельных сопоставлений с летописью.

«Историческая школа» не дала настоящего исторического анализа былинного эпоса, не выделила периодов подъема и спада эпического творчества. Вместо изучения этапов развития эпоса, исследователи предпочитали делить былины по географическому признаку, реконструируя областные циклы, преувеличивая роль Новгорода и Галича в их создании. Все неясное и необъяснимое прямыми ссылками на летопись относилось представителями «исторической школы» к XVI в., роль которого в формировании сюжетов, образов и эпической среды также крайне преувеличивалась.

В советской фольклористике «историческая школа» подверглась разгрому за те ошибки, которые были присущи ее представителям, как буржуазным ученым⁸.

В 1920—1930-е гг. основное внимание советских фольклористов было сосредоточено на исчерпывающем собирании уцелевших остатков былин и главным образом на изучении роли сказителей в изменении и творческой переработке сюжетов и поэтики былин. Тщательно сопоставлялись старые записи 1860—1890-х гг. с новыми, изучался репертуар отдельных сказителей, постигался механизм исполнения и передачи мастерства, изучались географические различия былин в отдельных районах. Главное внимание было обращено не на самые былины, а на жизнь эпоса в условиях XX в. Эта полезная и необходимая историко-эпическая работа не всегда сопровождалась широким синтезом и иногда вызывала опасения своей односторонностью⁹.

В современной советской науке мы видим два разных направления в изучении былинного эпоса. Объединены они лишь одной общей чертой — отрицанием аристократического происхождения былин, предложенного «исторической школой». Различие между этими двумя направлениями заключается в том, что каждое из них по-своему борется с буржуазной «исторической школой», по-своему понимает исторический подход к былинам.

⁷ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892, стр. VI (подчеркнуто мной.— Б. Р.). Подобные мысли вошли в ряд общих курсов (напр., В. Келтула), поддерживались рядом исследователей даже в советское время и очень широко распространены в зарубежной литературе. См. об этом Н. П. Дмитриков. Теория аристократического происхождения эпоса и ее реакционная сущность. «Советская этнография», 1950, № 1.

⁸ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин, Саратов, 1924. В зарубежной науке традиции старой «исторической школы» (со всеми ее минусами) продолжает Р. Я. Якобсон. См., напр., Roman Jakobson and Marc Szeftel. The Vseslav Epos («Russian Epic studies»), Philadelphia, 1949.

⁹ См., напр., В. Г. Базанов. А. Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины», вводная статья к 4 изд. «Онежских былин», (с. I, М.—Л., 1949, стр. 28).

Одно из направлений следует правильному тезису Б. Д. Грекова: «Былина — это история, рассказанная самим народом»¹⁰. Представители этого направления, возглавляемого в настоящее время историком и литературоведом Д. С. Лихачевым, заботятся о сохранении исторического подхода к эпосу; оно может быть названо советской исторической школой. Разница между нею и старой «исторической школой» В. Миллера точно такая же, как между историками-марксистами и буржуазными историками¹¹.

Второе направление современной советской фольклористики возглавляет В. Я. Пропп. Он дал очень интересное исследование о первобытных корнях волшебных сказок¹², а затем перешел к обобщению всего русского героического эпоса¹³. В. Я. Пропп, борясь с буржуазной «исторической школой», оторвал вообще русские былины от реальной исторической действительности, объявив, что значительная часть эпоса зародилась еще в первобытно-общинном строе, как воспевание борьбы с мифологическими чудовищами и что к этим основным сюжетам случайно присоединились исторические имена и события, наслаиваясь на готовую поэтическую основу. Я назвал бы условно это направление «первобытно-поэтическим». Надо отдать должное мастерству В. Я. Проппа в анализе чисто литературной стороны былин, в раскрытии внутренней логики сюжетов и характеристики образов. Но общего представления о той исторической эпохе, которая породила былины и воспета в них, в работе В. Я. Проппа не дано, как не даны и основные причины создания былин и отбора для передачи потомству именно тех сюжетов, которые дошли до нас, потомков. В ряде своих положений В. Я. Пропп делает шаг назад даже по сравнению со старыми исследователями, вроде М. Н. Сперанского или А. И. Лященко. Основной тезис В. Я. Проппа таков: «Былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа»¹⁴.

В. Я. Пропп всей своей книгой пытается опровергнуть тезис Б. Д. Грекова, которому он противопоставляет свой: «Былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле»¹⁵. С удивлением мы читаем в книге В. Я. Проппа, что в основе ряда былин лежит «борьба за охотничьи угодья», воспеваются «угон скота», красной нитью проходит борьба за женщин из другого рода, сражения с мифологическими чудовищами¹⁶. Длительное изучение волшебных сказов заслонило от исследователя конкретную историю русских земель в ту блестящую пору расцвета Руси, которая и воспета в былинах. Мы не найдем в

¹⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1953, стр. 7.

¹¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952; Его же. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского феодального государства. Сб. «Русское народное поэтическое творчество», т. I, 1953; Его же. «Эпическое время» русских былин. «Сб. в честь акад. Б. Д. Грекова», М., 1952; А. И. Никифоров. Фольклор Киевского периода. «История русской литературы», изд. АН СССР, т. I, М.—Л., 1941; А. Н. Робинсон. Фольклор. «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951; В. И. Чичеров. Русское народное творчество, М., 1959; С. И. Василенок и В. М. Сидельников. Устное поэтическое творчество русского народа, М., 1954; М. М. Плисецкий. Критика теорий позднего створения образов былинного эпосу. «Доповіді та повідомлення Ужгородськ. ун-ту», вип. I, 1957; Его же. Вопросы развития эпоса в условиях возникновения государственности. «Советская этнография», 1959, № 4; «Эпос славянских народов», под ред. П. Г. Богатырева, М., 1959; Р. Липец и М. Рабинович. К вопросу о времени сложения былин. «Советская этнография», 1960, № 4.

¹² В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946.

¹³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, изд. 1, Л., 1955 (в 6-ти частях); изд. 2, Л., 1958; В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Эпическая поэзия русского народа. Введение к двухтомнику «Былины» (Л., 1958).

¹⁴ В. Я. Пропп. Русский героический эпос (здесь и далее изд. I), стр. 24, см. также стр. 25.

¹⁵ В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. XXVII.

¹⁶ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, части I и II.

объемистой книге В. Я. Проппа ни одного слова о печенегах, о созданных Владимиром городах-заставах богатырских по Суле, Десне и Стугне; мелко, стыдливо здесь говорится о половцах и Тугоркане. Только татары Батия рассматриваются как реальные враги Руси. Основное возражение буржуазным фольклористам, считавшим былины возникшими в аристократической среде, В. Я. Пропп делает постулативно, без доказательств. Отказ от сопоставления с летописью приводит его к тому, что единственную былинну, где главный герой — пахарь Микула Селянинович, он относит к XV в.¹⁷

Книга В. Я. Проппа находится в резком противоречии как с чисто историческими трудами советских историков (например, вопросы периодизации), так и с тем направлением в изучении былин, которое наметилось в работах историков литературы.

Если «историческая школа» фольклористики в какой-то мере помогала современной ей русской буржуазной исторической науке XIX в., то «антиисторическая» школа В. Я. Проппа дезориентирует советскую историческую науку, давая неверную периодизацию, преувеличивая, с одной стороны, долю первобытной идеологии в былинах, а с другой — размер переработок XVI—XVII вв., незаслуженно обедняя тем самым основную былинную эпоху — Киевскую Русь, соединяя, таким образом, ошибки мифологической школы с ошибками старой «исторической школы».

Появление целого направления в науке, так скептически относящегося к историческому осмыслению былинного эпоса, можно объяснить только одним — на глазах современных исследователей былины как жанр окончательно умирали; грамотные сказители вроде М. Крюковой самовольно искажали их, добавляли, сливали, одним словом «творили» фсльклор, к которому раньше народ сотни лет относился очень бережно. Важные исследования А. М. Астаховой, Ю. М. Соколова, В. И. Чичерова были неправильно поняты В. Я. Проппом, который неправомерно перенес признаки упадка жанра на время его расцвета.

Борясь с буржуазной «исторической школой», В. Я. Пропп выступает против историзма былин вообще; народность же былин он не доказывает, а лишь декларирует. Опасность взглядов В. Я. Проппа состоит в том, что они нашли последователей. Так, например, Б. Н. Путилов повторяет вслед за ним, что будто бы «былины — это произведения, сюжеты которых являются результатом художественного вымысла», «...идеалы эпоса получали конкретное художественное выражение в вымышленных формах (вымышленные сюжеты, ситуации, герои)»¹⁸. Последователи В. Я. Проппа в своем пренебрежении к истории договорились до того, что, стремясь увести весь эпос в глубокую первобытность, стали сомневаться в тождестве былинного Владимира с Владимиром Святославичем: «Никто не может доказать, что в Киеве не было какого-нибудь всадя по имени Владимира, который жил бы в докняжеский период»¹⁹. Если так могли рассуждать в XVII в., во времена составления Иоакимовской летописи, то в настоящее время такая аргументация производит странное впечатление.

Пренебрегая конкретно-историческим анализом, считая принципиально ошибочным обращение при изучении былин к письменным источникам, отрицая реальные прототипы былинных героев и событий, В. Я. Пропп и его сторонники воюют с буржуазной «исторической школой» с позиций вульгарного социологизма, нигилистически отрекаясь от всего старого наследства и в результате оказываясь в тупике.

¹⁷ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 361.

¹⁸ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв., М.—Л., 1960, стр. 23, 25.

¹⁹ У. П. Цапенко. Питання розвитку героїчного епосу східних слов'ян, Київ, 1959, стр. 79.

К русскому былинному эпосу нужно подойти широко, с полным охватом всего исторического материала, заново проверяя и расширяя исторические сопоставления, сделанные сто лет тому назад.

Первой задачей является составление хронологической шкалы былиных сюжетов, исходя из допущения, что былины слагались по поводу реальных событий и реальных лиц.

Такая работа требует специальных исследований по каждому сюжету, каждому имени и, разумеется, не может быть изложена в рамках статьи. Мною закончена подобная работа общим объемом около 15 печатных листов; здесь я даю только краткие выводы без доказательств. Этому краткому обзору истории русского былинного эпоса необходимо предпослать несколько этюдов, дающих в известной мере представление о методах работы и способах хронологизации.

В качестве примеров, избранных для анализа, я привлекаю три группы эпических сюжетов, разбор которых должен пролить свет на важнейшие общие вопросы происхождения русских былин:

1. Былины с героем-крестьянином.

2. Отражение в былинах крупнейших событий народной жизни XI в. — народных восстаний и в частности киевского восстания 1068 г.

3. Степень влияния на былины придворной феодальной поэзии.

*БЫЛИНЫ О ВОЛЬГЕ
И МИКУЛЕ
СЕЛЯНИНОВИЧЕ*

Былиной, народность которой никогда не подвергалась сомнению, является широко известная былина о Микеле Селяниновиче, главный герой которой — пахарь, мужик, богатырь в холщевой рубахе.

Диапазон географических и хронологических приурочений этой былины очень велик: ее связывают то с киевским югом, то с новгородским севером; одни относят ее к началу X в., связывая с Вещим Олегом, а другие — к XV — XVI вв., полагая, что «общая идейная направленность былины и ее конкретное содержание дают основание считать, что она возникла сравнительно поздно»²⁰. В. Я. Пропп в своей монографии недоумевает по поводу столь позднего появления героя-крестьянина в эпосе: «Мы знаем, что создателем и носителем эпоса в первую голову было крестьянство, но до сих пор (до создания централизованного государства.— Б. Р.) на всем протяжении развития эпоса крестьянина мы не видели»²¹.

Для выяснения вопроса о народности былин нам действительно очень важно точнее определить место и время зарождения той былины, в которой прославление крестьянского труда является не позднейшим второстепенным добавлением, а составляет ее главную сюжетную основу. Но перед нами встанут почти непреодолимые трудности, если к решению этого вопроса мы подойдем с позиций В. Я. Проппа, отрицающего историчность былин и исторический подход к ним. «Предпосылка, из которой исходила историческая школа,— пишет он,— состояла в том, что фольклорные произведения создаются так же, как литературные, т. е. в определенном месте и в определенный момент... Но для эпоса, а также для сказки и некоторых других видов народной поэзии, она ошибочна и из нее исходить нельзя. Эпос, как и другие виды народной поэзии, обращен не в прошлое, а в будущее»²².

Былины о «Вольге Святославиче и Микеле Селяниновиче» дают хороший материал для проверки положений «антиисторической» школы Проппа. Один из главных героев этих былин — Вольга Святославич, племянник князя Владимира, собирающий дань с городов, следовательно, — князь. Это облегчает нам поиски реального прототипа.

²⁰ «Былины», т. I, М., 1958. Комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, стр. 316.

²¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 361.

²² Там же, стр. 24 и 61 (подчеркнуто мной.— Б. Р.).

Р. Якобсон ошибочно объединяет имена Вольги и Волха, считая, что оба они относятся к князю Всеславу Брючиславичу Полоцкому²³. Имена Волха и Вольги в былинах всегда различаются и поэтому объединять два разных цикла нет возможности, хотя отдельные второстепенные детали вроде волшебной охоты сходны в обоих циклах. Имя «Вольга» несомненно является формой произношения имени «Олег», так как в киевской летописи XII в. уже встречаются обе формы: «Ольговичи» и «Волговиичи»²⁴. Следовательно, нам надо предпринять поиски русского князя Олега Святославича. Те исследователи, которые во чтобы то ни стало стремились связать былины о Вольге (равно как и былины о Волхе Всеславиче) с Вещим Олегом, находились под гипнозом норманской теории и отбрасывали такую устойчивую и существенную деталь, как отчество героя. Попытаемся отнестись с большим уважением к народной памяти и приемом героя таким, каким он сохранен былинами, — Олегом Святославичем. Из русских князей с таким именем особенно известен Олег Святославич Черниговский, принадлежащий к беспокойной плеяде «ярославлих внуков» и, может быть, наиболее жестокий и алчный из всех них. Его бурная судьба, забрасывавшая его из Чернигова то в Тмутаракань, то в Рязань, то на остров Родос, могла бы послужить основой большого цикла песен, но этот князь-авантюрист, породнившийся с половцами, не заслужил народной любви и даже в феодальную поэзию вошел с горьким именем «Гориславича». Может быть, над ним посмеялся автор былины, заставивший Вольгу терпеть поношение от простого крестьянина? Если считать былины вымыслом без реальной исторической основы, то на этом можно было бы прекратить поиски, удовлетворившись самым общим сопоставлением. Можно было бы и Вещего Олега присоединить к тем импульсам, которые содействовали созданию былинного образа — ведь народ, судя по летописному сказанию о предначертанной смерти Олега, относился враждебно к этому варяжскому конунгу.

Однако былина о Вольге Святославиче содержит ряд таких черт, которые заставляют направить поиски в другое русло. География былины не дает никаких точек соприкосновения ни с Черниговщиной, ни с другими местами действия Олега «Гориславича».

Князь Вольга, племянник Владимира, едет собирать дань с городов: Гурчевца, Ореховца и Крестьяновца, а затем возвращается в город Туринск. Давно уже была высказана мысль о том, что здесь перечислены древние города Древлянской земли: Гурчевец — Вручий, Овруч, Крестьяновец — Искоростень, Коростень²⁵. Добавлю, что среди древлянских городищ есть большое городище в Олевске, считавшемся в XV в. городом. Вручий, Искоростень и Олевск составляют небольшой равносторонний треугольник внутри Древлянской земли. На север от них лежит стариннейший удельный город Туров, имя которого легко угадывается в былинном Туринске. Олег Святославич Черниговский никогда не имел никакого отношения к Древлянской земле и никогда не владел ни одним из названных городов.

Имя Олега носил сын Святослава Игоревича, сводный брат Владимира Святого. Этот Олег Святославич с юных лет был связан именно с Древлянской землей: 970 г. «Святослав посади Ярополка в Киеве, а Олега в Деревех». В 975 и 977 гг. подтверждается связь Олега Святославича с

²³ R. Jakobson. Указ. соч., стр. 30, 44 и др.

²⁴ ПСРЛ, т. II, СПб., 1843. Ипатьевская летопись, стр. 148, 1196-г.

²⁵ Н. И. Коробка. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче. ИОРЯС АН, 1908, т. I. Автор почему-то считает, что под именем Вольги скрывается княгиня Ольга, наводившая порядок в Древлянской земле после убийства Игоря. Былинный Вольга настолько полон черт князя, предводителя дружины и настолько лишен каких бы то ни было намеков на женскую природу, что это предположение должно быть оставлено.

Древлянской землей: здесь он охотится, здесь во Вручем его осаждает брат Ярополк, здесь в центре своих древлянских владений он и погибает²⁶. А. А. Шахматов давно уже предполагал, что эта былина связана с Олегом Древлянским, но его мысль не была поддержана²⁷.

Сторонники северного, новгородского происхождения былины, стремившиеся связать ее с Вещим Олегом, считали надежным аргументом в свою пользу то описание природы, которое содержится в былине:

«Как орет в поле оратай посвистывает,
Сошка у оратая поскриливает
Омещики по камешкам почиркивают
.....
А пень-корень (оратай) вывертывает
А большие-то каменья в борозду валит...»

В этой обильной камнями пашне видели северную каменистую землю Новгородщины. Но следует обратить внимание на то, что поперек Древлянской земли через Искоростень и Малин в направлении к Днепру проходит широкая полоса конечной морены, создающей точно такие же почвенные условия, как и на далеком Олонецком севере. Следовательно и природа былины не противоречит признанию местом ее действия Древлянской земли.

Итак, разбор былинной географии (городов и природы) и имени одного из героев привел нас в Древлянскую землю во время короткого княжения здесь молодого Олега Святославича (970—977 гг.)²⁸.

В эти годы здесь разыгрались две трагедии, героем которых был Олег. Обе они нашли отражение и в эпосе и в летописных записях. Быть может, именно наличие былин о молодом Вольге Святославиче и способствовало закреплению этих событий в Киевском летописном своде конца X или начала XI в., так как одно из этих событий — убийство на охоте — было само по себе незначительным эпизодом и в краткую летопись тех лет могло бы и не попасть, если бы не было особых побуждающих причин в виде готовой и, очевидно, популярной песни об этом эпизоде.

Среди редких и нетипичных записей А. Ф. Гильфердинга есть былина «Вольга», в которой нет еще никакого упоминания о Микуле Селяниновиче и где действуют Вольга и некий Сантал. Былина начинается описанием волшебной охоты юного десятилетнего Вольги:

«Овернулся Вольга да малой птичкой
Улетел-то Вольга да он под оболу
А й птицу всю да он порозгонял.
Овернулся Вольга да добрым молодцом:
— Братцы дружинишка хоробря!
Ставьте-тко пасточки дубовыи
Силышка вы ладьте-тко шелковыи...
.....
Овернулся Вольга да лютым зверём
А й ушел-то Вольга да во темны леса
Зверей-то всех он порозгонял...»

И вдруг совершенно неожиданно, без всякой видимой связи с охотничьими подвигами Вольги, былина сообщает о том, что

²⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 53.

²⁷ А. А. Шахматов. Мстислав Лютый в русской поэзии. «Сб. в честь Н. Ф. Сумцова», Харьков, 1909, стр. 82—91.

²⁸ По былине, Вольга познал всю мудрость и стал распоряжаться «дружинишкой хороброю» в десятилетнем возрасте. Реальный князь Олег получил Древлянский удел от отца тогда, когда самому Святославу было около 30 лет: следовательно, Олегу, младшему из сыновей, могло быть, действительно, не более 10—12 лет.

«Поезжае Вольга в Вольгугород
Видела царица нехороший сон:
Бьется сокол да с черным вороном,
Перебил сокол да черна ворона.
Ясный тот сокол — Вольга богатырь,
Черный тот ворон — то сам Сантал»²⁹.

Этим былина заканчивается, оставляя слушателя в недоумении — конфликт между Вольгой и Санталом не раскрыт, бой между ними в былине не описан и есть только два вещих предзнаменования: когда родился Вольга, то Сантал с женой сбежал в «Вольгу», а когда юноша Вольга поехал в «Вольгу-город», то жена Сантала увидела недобрый сон, означавший победу сокола — Вольги над черным вороном — Санталом.

Летопись сохранила рассказ о нарушении княжеских охотничьих угодий Олега Святославича Лютом, сыном могущественного варяга Свеналда. Нарушение границ произошло в тот момент, когда сам Олег охотился в своей Древлянской земле, где княжеские ловища и становища были разграничены еще в середине X в. при княгине Ольге. С тех пор Древлянская земля была связана с Вышгородом — «Ольгиным градом» (не отсюда ли и в былине «Вольгагород»?) «Ловы деящу Свеналдичю именем Лют. Ишъд бо ис Кыева, гъна по звери в лесе и узъре и Ольг и рече: «Кто се есть?» И реша ему: «Свенальдич» и заехав уби и: бе бо ловы дея Ольг»³⁰.

Для того, чтобы понять, почему по поводу этого небольшого эпизода была сложена былина, продержавшаяся в народе почти тысячу лет, нам нужно полнее представить себе конкретную историческую обстановку в Киевском государстве в 970-е годы. Варяжское засилье, так явно ощущавшееся в первую половину X столетия, несколько ослабилось при Святославе. Однако и тогда выделялась фигура воеводы-варяга Свеналда, воспитателя Святослава, прославившегося еще при Игоре богатством и убранством своей дружины. Важнейший государственный документ Святослава — договор с Цимисхием — был написан от имени князя и воеводы: «При Святославе и при Свеналде». После гибели Святослава Свеналд стал крупнейшей фигурой в Киеве, так как князь Ярополк был еще очень юн. Властный воевода-варяг, окруженный собственной богатой дружиной (вероятно тоже варяжского происхождения), был своего рода киевским мажордомом. В летописных сводах сохранилось двойственное отношение к Свеналду; одни записи представляют его мудрым советником князя, а другие — косвенным или прямым виновником смерти русских князей Игоря и Олега Святославичей. Очевидно среди летописцев были как сторонники, так и противники высоко поднявшегося варяга.

Последняя четверть X в. была временем борьбы с варяжским засильем в Киеве. Брат Олега — Владимир, захватив Киев с помощью варяго-наемников, решительно очищает город от них после победы. Тремя годами позже киевский народ так же решительно добился принесения в жертву русским богам знатного варяга, проживавшего в боярской части Киева. Эпизод в древлянских лесах, когда сокол победил черна ворона, был первым открытым выступлением против самой знатной и сильной части киевских варягов, что и давало основание народу воспеть его в былине, сочувствующей смелому Олегу Святославичу. Дух этой былины вполне соответствует духу ряда летописных сказаний X в. о Свеналде и варягах.

Смерть Свеналдича в древлянских ловищах Олега могла рассматриваться как своего рода кровная месть за деда, князя Игоря, погибшего

²⁹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины (здесь и далее, изд. 4), т. I, стр. 247—248.

³⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 53.

в Древлянских лесах. После расправы с Лютом князь Олег Святославич прожил всего лишь два года и погиб в борьбе с самим Свеналдом, два года готовившим месть всему врагу. «И о том бысть межю ими ненависть (после смерти Люта Свенальдича.— *Б. Р.*) — Ярополку на Ольга. И молвяше всегда Ярополку Свеналд: «Поиди на брат свой и прими волюсть его, хотя отмстити сыну своему»³¹.

В 977 г. Свеналду удалось уговорить киевского князя: «Поиде Ярополк на Олга брата своего на Деревьску землю. И изыде противу его Олег и ополчистася. Ратившемася полкома, победи Ярополк Ольга. Побегъшу же Ольгу с вои своими в град, рекомый Вручий; бяше черес гроблю (ров) мост ко вратом градным, теснячеся друг друга пихаху в гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь»³².

Важный исторический источник середины XI в. «Память и похвала князю русскому Владимиру», написанная мнихом Иаковом, дает интересный вариант этого текста — Олег погиб не потому, что его столкнули с моста, а потому, что мост обломился и упал в крепостной ров вместе с людьми. А мотив обломившегося моста неразрывно связан с былинной о Вольге и Микуле. Когда Вольга Святославич уже принял Микулу в свою дружину и они вместе поехали в город Куржов или Гурчев (летописный Вручий), то оказывается, что их враги подготовили им западню — подрубленный мост, на котором гибнет часть войска Вольги и Микулы. Куржовские мужики, узнав, что к ним едут Вольга и Микула,

«Поделали мосточки поддельный
Поддельный мосточки все калиновые...
Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эти мосточки на калиновы
А подломились ты мосточки да калиновые
А погибнуло тут силушки да много той...»³³

Варианты П. Н. Рыбникова:

1. «Поделаны мосточки поддельные
Сделаны подкопы великие
И поставлены ножи все булатные»³⁴
2. «Тыи мужики Гуршевские
Тыи мужики Ореховские
Они были злодеи догадливы
Поделали мосточки поддельные
.
Пошла тая силушка великая
На тыи на мосточки на калиновы
Мосточки все подломилися
Тая сила вся по реченьке подвоялася
Начала силушка тонуть да гинуть...»³⁵

Этот упорно повторяемый мотив гибели «силушки» князя и зрательная картина подломившихся мостков очень живо напоминает гибель Олега на замковом мосту Овруча, когда «падаху людье мнози и удавиша кони чело-вечи». Крепостной ров был настолько заполнен телами, что при розыске тела Олега, «влачиша трупье из гробли от утра и до полудне».

Смерть Олега Святославича должна была удовлетворить старого Свеналда, но едва ли она могла радовать русское население Киевской и Древлянской земли — ведь это было торжеством всемогущего варяга.

³¹ ГВЛ, ч. I, стр. 53.

³² Там же.

³³ А. Ф. Гильфердинг. Онежские быliny, т. I, стр. 414.

³⁴ П. Н. Рыбников, т. I, стр. 12—15 (примеч.).

³⁵ П. Н. Рыбников, т. II, стр. 80.

Летопись сохранила укор Ярополка Святославича Свеналду: когда искали тело его брата «и налестоша и Ольга высподи трупья и рече Свеналду:— Вижь, сего ты еси хотел!»³⁶.

Основную, наиболее разработанную и целостно сохранившуюся часть былины составляет эпизод встречи Вольги с Микулой Селяниновичем и приглашение Микулы на службу к князю. Одна часть былины повествует о согласии Микулы и о дальнейших совместных действиях князя и оратая. Возможно, что вместе с Микулой были приглашены и другие оратаи, так как упоминается, как мы уже видели, «силушка Микулушкина», его войско.

Датировать эту часть былины мы можем временем между смертью Люта Свеналдича и началом войны Ярополка с Олегом, когда было ясно, что эта война должна вспыхнуть. Короткий промежуток времени 975—977 гг. обе враждующие стороны должны были усиленно готовиться, собирать воев, увеличивать дружину.

Вполне вероятно, что былина о Вольге Святославиче и Микуле Селяниновиче в своем первичном виде и отразила этот набор войска в условиях нарастающей опасности, когда княжеская дружина могла пополняться выходцами из народа. Пятнадцатью годами позже Владимир, брат Олега, будет точно так же пополнять свою дружину богатырями-кожемяками, из самой гущи народной, превращая их в «великих мужей»³⁷.

В последней четверти X в. происходило, очевидно, много новых явлений, связанных с глубокими внутренними процессами: на одном полюсе, в деревне, неудержимо распадались родовые связи, шло расслоение деревни, выделялись устойчивые индивидуальные хозяйства; на другом полюсе, в феодальной вотчине, менялся состав княжеской дружины — наемники-варяги все больше вытеснялись коренными русскими людьми, набираемыми, как мы знаем, из жителей Приднепровья, Словен и Кривичей.

Вот этот-то важный процесс, имевший общенародное значение, и отражен созданием былинного образа Микулы Селяниновича, оратая, успешно ведущего свое хозяйство, умеющего постоять за себя, бывалого человека, воевавшего с разбойниками во время поездок в город за солью.

Основанием для приурочения былин о Вольге к событиям 970—977 гг. может служить следующий ряд сопоставлений (обоснование которых дано выше):

Былины	Летописи
Вольга Святославич	Олег Святославич 970—977 гг. князь Древлянский
Его города: Гурчевец Крестьяновец Ореховец	Города Древлянской земли: Вручий Искоростень Олевск
Соседние города: Туринск Вольгагород	Города, соседние с Древлянской землей и связанные с нею: Туров «Ольгин град» — Вышгород
Враг Вольги — Сантал	Враг Олега — Свеналд

³⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 53.

³⁷ Там же, стр. 84—85.

Начало самостоятельности в десятилетнем возрасте.	Закняжение Олега в 970 г. в возрасте 10—12 лет.
Охота.	Охота 975 г.
«Сокол побивает ворона».	Смерть Люта Свеналдича от руки Олега.
Вольга приглашает Микулу на службу	Двухлетняя подготовка войны Ярополка и Олега.
Гибель «силушки» на обломившемся гурчевском мосту.	Смерть Олега на обломившемся мосту во Вручем в 977 г.

Историю былины о Вольге и Микуле можно представить себе так: юный князь Олег стал известен народу тогда, когда он поднял руку на сына самого могущественного человека — Свеналда и наказал нарушителя «ловищ и становищ», убив его своей рукой. Это был смелый вызов мажордому-варягу, десятки лет стоявшему у кормила власти; с этого поединка началась решительная и успешная борьба с варягами внутри Руси.

Былины о Вольге неизменно начинаются с охотничьих подвигов князя. Умение руководить охотой — своего рода аттестат зрелости; недаром Мономах, поучая детей, так много внимания уделяет охоте. Вольга в былине уже в десятилетнем возрасте руководит охотой. Можно думать, что бой «сокола» с «черным вороном» был в свое время разрабатан в былине подробнее, так как до нас, несомненно, дошли лишь незначительные фрагменты описаний борьбы с Санталом — Свеналдом (или Свеналдичем).

Усиление княжеской дружины Олега Святославича за счет широкого вовлечения древлянского крестьянства было, очевидно, такой же новинкой, как и борьба против Свеналда, и также нашло широкий отклик в народных массах — рушилась прежняя замкнутость княжеской дружины-гвардии, перед крестьянством может быть впервые открывалась возможность участия в княжеском войске. Это событие было достойно воспевания, и народ сложил былинку о Микуле Селяниновиче, полную уважения к пахарю, его достоинству, его силе, его уменью.

Трагическая гибель семнадцатилетнего князя под овручским мостом тоже должна была произвести впечатление на окружающих и воплотиться в эпической песне. Былина не сохранила до наших дней описания смерти героя, но гибель войска, упавшего с обломившегося моста, запомнилась сказителям хорошо.

В эпоху Владимира Святославича, когда создавался основной былинный цикл, былины о Вольге Святославиче вполне могли и должны были присоединиться к нему, во-первых, потому, что сам Владимир, упорно враждовавший с Ярополком, должен был выражать симпатию к младшему брату — Олегу, погибшему в войне со старшим — Ярополком. А во-вторых все то, что прославлялось в былине, что составляло сущность ее центральной части — приглашение оратая в княжескую дружину — все это составляло и сущность политики самого Владимира, организовавшего борьбу против печенегов силами русского народа, без варягов³⁸.

³⁸ Имеющийся в былинах о Вольге и Микуле элемент некоторой иронии по отношению к князю и его дружине, насмешки Микулы над беспомощностью и недогадливостью князя, отказ от княжеской службы — все это может быть объяснено «второй жизнью» былины в XII в. Весь владимиров цикл былин был, очевидно, воскрешен при Владимире Мономахе, а тогда имя Олега Святославича вызывало совершенно иные ассоциации и это могло привести к появлению в былинах о Вольге народной иронии, направленной против Олега «Гориславича». Позднее, в XVI—XVII вв., этот иронический элемент мог еще усиливаться.

Основу былины о Вольге и Микуле никак нельзя относить к позднему времени образования централизованного государства, ее следует считать естественным, исторически обусловленным продуктом народного творчества 975—977 гг., времени начала расцвета древнерусского государства.

*БЫЛИНЫ О ШАРУКАНЕ
И О КИЕВСКОМ
ВОССТАНИИ 1068 г.*

Былина о Микуле Селяниновиче дала нам отправную хронологическую точку для изучения народного эпоса с народным героем. Оказалось, что былина, воспевающая могучего оратая, является своего рода эпиграфом всего владимирова цикла,

предшествуя ему и как бы открывая его.

Нашей второй задачей является выяснение последующих этапов народного творчества и поиски положительного или отрицательного ответа на тот же волнующий нас вопрос: отразились ли в былинах важнейшие события народной жизни XI—XII вв. и кто позаботился о поэтическом увековечении этих событий — сам народ или же княжеские придворные певцы?

Таковыми событиями, которые послужили важными историческими вехами в истории русского народа, были половецкое нашествие в XI в., татарское нашествие в XIII в. и широкий общенародный подъем классовой борьбы в середине XI в., когда, отвечая на «творимые виры» и лихоимство, убивали княжеских огнищан, тиунов, начальников княжеских стад, поднимали открытые восстания, убивали епископов, изгоняли князей.

Период напряженной классовой борьбы совпал с первым половецким нашествием орд Шарукана в 1068 г., обострившим социальные конфликты. Кульминационным пунктом классовой борьбы этих десятилетий было знаменитое киевское восстание 1068 г., вспыхнувшее в момент нашествия Шарукана. В результате этого восстания киевские люди посадили на престол избранного ими князя Всеслава Полоцкого. Целых 7 месяцев правил Киевом и Русью князь, поставленный восставшим народом.

Обычно считается, что половецкое нашествие отразилось лишь в одной былине о Тугарине Змеевиче — Тугорткане, а вся остальная масса былин, содержащих мотив отражения врагов, обычно связывается только с татарским нашествием. Появление же в былинах социальных мотивов исследователи отодвигают на еще более позднее время, сопоставляя их по преимуществу с событиями времен крестьянских войн, когда социальные конфликты осложнялись иноземным нападением. Такова, например, былина, условно называемая «Бунт Ильи против князя». Отражения острых и напряженных событий 1060-х годов в былинах обычно не ищут.

Сделаем попытку внимательнее приглядеться к тем былинам, в которых содержится или мотив социальной борьбы, или главный герой оказывается обедневшим, заложившим коня или оружие в кабаке.

К ним относятся: «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Калин царь», «Батыга», «Васька-пьяница и Кудреванко-царь», «Турканин и Илья Муромец», «Илья и Кудреванко», «Василий Игнатьев и Батыга», «Шарк-великан» и ряд других. Все вместе они образуют цикл, объединенный двумя признаками: 1) на Киев нападают орды какого-то царя (Батыги, Калина, Кудревана, Турканина); 2) в Киеве нет ему «супротивничка», нет богатырей, некому Киев оборонить; богатырь, которому суждено отразить врага, оказывается или в погребе, заточенный туда князем, или в кабаке, где заложена его сбруя ратная (в первом случае это — Илья, а во втором — Василий). Этот цикл, как это давно отмечалось, не сохранил эпической стройности, он сильно нарушен, спутаны имена и эпизоды. Быть может, именно наличие в нем социальных мотивов, позволившее циклу жить второй жизнью в XVI—XVII вв.,

и повлияло на степень его сохранности — незнакомые, забытые имена вытеснялись более известными, более близкими, герои окружались бытовыми деталями времен крестьянских войн, терминология былин насыщалась словами, современными сказителям.

Если мы вспомним, каким преследованиям подвергались носители народной поэзии в XVI—XVII вв. — скоморохи, то нам станет понятнее и тот калейдоскоп имен, который мы находим в интересующем нас цикле — запретным былинам с острым социальным содержанием могли даваться новые названия ради того, чтобы, изменив форму, сохранить содержание. Из-за не подлежащей сомнению популярности в более позднее время, цикл оказался очень плохо сохранившимся, что сильно затрудняет определение его первоосновы.

Первый вопрос, который должен быть поставлен, это — вопрос хронологии, определение того времени, к которому относится как первичная основа былины (что для нас особенно важно), так и время позднейших наслоений.

Будем руководствоваться при этом именами исторических лиц, отчасти географическими ориентирами, а также канвой исторических событий, хотя заранее следует оговориться, что четкой и ясной картины в этом нарушенном цикле мы не найдем ни для одной эпохи.

Весь этот многослойный цикл В. Я. Пропп поместил в раздел «Былины об отражении татар. Бунт Ильи против Владимира и социальная обстановка накануне нашествия»³⁹, предрешив тем самым вопрос о времени возникновения цикла. Впрочем, некоторые былины, например о Василии Игнатьеве, он датирует еще более поздним временем, связывая ее вслед за А. С. Орловым с событиями в Москве в 1382 г.⁴⁰

Очень жаль, что автор большого сводного труда о русском эпосе заранее отмежевывается от повторного анализа летописей и былин: «мы не будем заново сравнивать летопись с былиной: это различные произведения; былина не восходит к летописи, не может быть рассмотрена как искажение ее»⁴¹. Дело не в том, что былины надо понимать как соответствие или как искажение летописи, а в том, что и летопись и былинная поэзия одинаково восходят к реальной жизни, но по-разному ее отражают. И там и здесь возможны искажения фактов, различие в оценке событий, но все же исторически осмыслить былинный эпос мы сможем только тогда, когда сделаем все возможное для сопоставления былин со всеми видами других исторических материалов, когда мы с возможной при данных условиях точностью определим тот отрезок реальной жизни русского народа, который воспет в былине или цикле былин. В данном случае отказ от сопоставления былин с летописью, диктуемый боязнью быть похожим на представителей «исторической школы», позволил В. Я. Проппу остановиться на самом внешнем сходстве былин о Батыге с действительными событиями.

Учитывая несомненную многослойность этого цикла, будем идти путем ретроспективного анализа, снимая постепенно поздние слои и углубляясь до его первоосновы.

К самому верхнему слою относится имя Ермака, встречающееся в ряде былин, оно занесено в этот цикл случайно и должно быть исключено. Затем надо отделить такие выражения, как «мамаево побоище» и «Куликово поле»; эти слова не связаны с описанием Куликовской битвы, они попали сюда лишь по ассоциации с разгромом «татар» в

³⁹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 278—355.

⁴⁰ Там же, стр. 333.

⁴¹ Там же, стр. 291. Нелюбовь В. Я. Проппа к летописи сказалась даже в том, что во всей его книге нет ни одной ссылки на нее. В тех немногих случаях, когда нельзя было обойтись без летописных цитат, В. Я. Пропп берет их из популярной работы А. С. Орлова «Героические темы древней русской литературы» (см. В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 297, 300).

былине⁴². Следующий хронологический слой, значительно более устойчивый, чем случайно включенные имена Ермака и Мамаю, это — Батыга и Калин-царь. Эти два полководца выступают как взаимозаменяемые и никогда не действуют в былинах одновременно, т. е. одинаковые былины могут быть связаны или с Батыгой, или с Калином⁴³. Однако ни одна из былин не содержит ничего, напоминающего разгром Руси Батыем в 1237—1240 гг., кроме самого общего описания вражеских полчищ. Здесь нет ни знаменитых рязанских эпизодов, ни взятия Владимира, ни битвы на Сити, ни героической защиты Козельска. Даже если ограничиться только киевскими событиями 1240 г., то и в этом случае мы не найдем никаких соответствий — в былинах нет ни бегства князя из Киева, ни фигуры воеводы Дмитра, ни такого эффектного эпизода, как защита киевлянами последнего оплота — Десятинной церкви. Вообще в этом цикле нет и намек на тот страшный разгром, которому подверглась Русь во времена Батыя, да едва ли он и мог быть предметом воспевания. Много лет спустя, когда изгладились конкретные воспоминания, когда сказители былин решили ответить на вопрос — куда же делось богатейство киевское — была сложена очень обобщенная, лишенная живых исторических деталей былина «О том, как перевелись богатыри на Руси». На ней есть налет провиденциализма, обреченности, необходимости нести наказание свыше «за грехи»; ее нелегко приурочить к какому-либо одному событию, но именно после Батыева разгрома такая былина-эпиграф и могла появиться, как народное объяснение временного торжества татар.

В интересующем нас цикле имя Батыги выглядит случайным, включенным сюда лишь как общеизвестный символ, не связанный с содержанием былин.

Большой интерес представляет былинный Калин-царь, своего рода двойник Батыги, но чаще встречающийся. Он не осаждает Киев, а, явившись с большой силой, останавливается в нескольких верстах от города и посылает в Киев посольство с ультиматумом:

«Поднимался он чужь (Калин-царь) да на святую Русь
Не дошел до Киева пятнадцать верст
На святую Русь на красен-Киев-град.
Расставил он шатры белополотняны»⁴⁴.

Затем «собака Калин-царь» садится на ременчат стул и пишет ярлыки скорописчаты:

«Уж ты ой Владимир Стольно-киевской!
Выбирайся из города из Киева
Аль встречай собаку царя Калина!»⁴⁵

⁴² В севернорусских землях даже летописцы имели смутное представление о Куликовской битве: один из них ограничился только фразой: «Бысть побоище у великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с безбожным Мамаем» (ПСРЛ, т. 3. Новгородская 3-я летопись, стр. 231). Другой летописец изобразил такие детали: «москвичи же мнози небывалци, видевше множество рати татарской, устрашишася и живота отчаявшися, а инни на беги обратишася» (там же. Новгородская 1-я летопись, стр. 92). Как видим, подобные летописи не могли дать никакой пищи для былинного творчества новгородского Севера. Возможно, что слабое знание фактической стороны «мамаева побоища» в районе сохранности былин и привело к тому, что в былинах отложились только имена, а не суть событий.

⁴³ Третьим равноправным персонажем этого цикла является Кудреван, но о нем будет сказано особо.

⁴⁴ А. Ф. Гильердин. Онежские былины, изд. 4, т. III, М.—Л., 1951, стр. 542. Вариант:

«Не дошел он до Киева за семь верст
становился Калин у бытре Непра» («Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 25).

⁴⁵ А. Ф. Гильердин. Онежские былины, т. III, стр. 543.

Киевляне не подчиняются ярлыку, а Калин-царь не может осуществить свою угрозу, так как появившиеся богатыри догоняют его в степи. Такова схема внешних событий во время нашествия Калин-царя; я не касаюсь здесь внутрикиевских событий, подробно разработанных в былинах, но неизвестных нам по другим, более надежным источникам. Изложенная же схема взаимоотношений Киева с «собакой Калин-царем» находит удивительное соответствие с летописным рассказом о татарском походе 1239 г. за полтора года до появления под Киевом самого Батыя.

Татарское войско под предводительством Менгу-хана и Кадан-хана напало на Переяславль и Чернигов, а затем, пройдя левым берегом Днепра, татары стали напротив Киева, и, направив посольство, пытались уговорить князя и киевлян сдаться без боя.

«Меньгуканови же пришедшу сглядать града Кыева.
Ставшу же ему на оной стране Днепра у градька
Песочного.
Видив град, удивися красоте его и величеству его.
Присла послы свои к Михаилу и ко гражаном, хотя
е прельстити. И не послушаша его»⁴⁶.

И в летописи и в былинах татары не доходят до Киева (город Песочен — в нескольких километрах от Киева), и там и здесь татары любуются стольным городом («красен Киев град»), в обоих случаях глава татарского войска снаряжает посольство в Киев и в обоих случаях ответ киевлян отрицателен. Все совпадает здесь, кроме имени хана, форма «Калин-царь» значительно ближе к Кадан-хану, чем к Менгу-хану. Летописец правильно обозначил главного полководца, а автор былин почему-то предпочел другого хана. Кадан-хан, сын Угедая, участник походов 1237—1239 гг., был уже хорошо известен русским, так как именно он прославился чудовищной жестокостью во время взятия им Козельска весной «года собаки», т. е. 1238 г. Быть может, отсюда и повел свое начало образ былинного предводителя татар «собаки Калина-царя».

О счастливым избавлении Киева от татар летом 1239 г. могла быть сложена былина; ее оптимистический конец вполне соответствует действительности.

Но дошедший до нас цикл былин отнюдь не исчерпывается элементарной схемой событий 1239 г. Очевидно былина о приходе к Киеву Кадан-хана соединилась с какой-то другой группой былин, характеризующейся другими именами и другими событиями.

Одной из крупнейших ошибок «исторической школы» считают приурочение данного цикла былин к походу Батыя, так как канва былинных событий не совпадает с летописной. На этом строится обвинение «исторической школы» в непонимании специфики былинного творчества, будто бы не интересующегося реальными событиями. Я согласен с тем, что те представители «исторической школы», которые только по двум признакам (имя Батыги и описание нашествия) отнесли весь многообразный цикл к 1240 г., совершили ошибку, упростили свою задачу. Но значит ли это, что ошибочны самые поиски реальной основы (или нескольких основ) данного цикла? Я не могу разделить того спокойствия, с которым В. Я. Пропп отказался от дальнейших поисков, заявив, что «чаще всего этот царь назван Калиным, но имеются и другие име-

⁴⁶ Ипатьевская летопись 1237 г., стр. 177 (подчеркнуто мной.— Б. Р.). По Рашид-ад-дину, поход Кадана и Менгу-каана приходился на смену «года свиньи» и «года мыши», т. е. на июль — август 1239 г. н. э. (См. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, в кн. «Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. II, М.—Л., 1941, стр. 37).

на, как Скурло, Кудреванко и другие. Возможно, что в основе их лежат не сохранившиеся имена военачальников»⁴⁷.

Попытаемся предпринять дальнейшие розыски. Широко распространенное в былинах этого цикла имя царя Кудревана действительно загадочно, но вовсе уж не так безнадежно в смысле его исторической интерпретации. Ведь в былинах его окружают не безвестные военачальники, как почему-то думает В. Я. Пропп, а хорошо знакомые летописям и поэзии XII в. Артак и Кончак.

С царем Кудреваном в былинах связаны те же герои и те же эпизоды, что и с Калином или Батыгой. Против Кудревана также действует Илья Муромец, освобожденный из погреба, или Василий, получивший от князя коня и ратную сбрую. Как мы видели, эти эпизоды не нашли соответствия в летописной истории времен Калина и Батыги. Тем важнее и интереснее для нас поиски реального прототипа царя Кудревана.

Былины, будучи лишены строгой хронологии, нередко сохраняют генеалогическую последовательность. В данном случае можно наметить как бы два генеалогических слоя:

- 1) старший слой — Кудреван (Турканин) или Скурло (Скурлак),
- 2) младший слой — Артак и Коньшак.

Артак и Коньшак в былинах никогда не выступают самостоятельно, они всегда упоминаются как младшие, второстепенные участники похода, младшие родственники грозного Кудреванища; они, хотя и располагают своими войсками, но далеко уступают несметной силе самого царя.

«Подымается (на Киев) собака Кудреванко-царь
Со любимым со зятелком со Артаком
А со любимым со сыном он со Коньшиком,
А у Коньшика силушки было сорок тысячей
А у Артака силы-то было сорок тысячей
А у самого собаки — да числа-сметы нет!..
А закрыло луну до солнышка красного
А не видно ведь злата светла месяца
А от того же от духу да от тотарьского
От того же от пару да лошадиного...»⁴⁸.

В поисках Кудревана нам должна помочь генеалогия половецких ханов, для установления которой мы располагаем русскими и грузинскими хрониками XII в. и отрывками половецкого эпоса, сохранными галицко-волынской летописью XIII в.

Половецкое сказание о траве емшан повествует о хане Отраке, изгнанном войсками Мономаха на Кавказ, «за Железные врата», приблизительно в 1111—1117 гг. Сказание упоминает его брата Сырчана и, что для нас особенно важно, устанавливает, что Кончак был сыном Отрака⁴⁹.

Грузинские хроники, рассказывающие о том, что Давид Строитель принял к себе на службу половецкие орды Отрака, устанавливают другое необходимое звено — Отрак или Атрак Шаруканидзе был сыном одного из первых половецких ханов в южнорусских степях — Шарукана или, как его стали звать в XII в., Шарукана Старого. «Поучение» Владимира Мономаха в сочетании с летописью позволяет определить, что у Шарукана был брат Сугра, а «Сказание о шаруканском походе» (как условно можно назвать летописную статью 1111 г.) свидетельствует

⁴⁷ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 299 (подчеркнуто мной.— Б. Р.); см. также стр. 333.

⁴⁸ «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I, М., 1904, стр. 54 и 77 (подчеркнуто мной.— Б. Р.).

⁴⁹ Ипатьевская летопись 1201 г., стр. 155.

о существовании в верховьях Северного Донца двух соседних городов: Шаруканя и Сугрова, очевидно принадлежавших двум ханам-братьям⁵⁰.

Сочетание всех данных позволяет создать следующую неполную, но достоверную генеалогию:

1. Шарукан Старый (упом. с 1068 по 1107 г.); его брат Сугра; второй брат, возможно Асень?
2. Отрак сын Шарукана (упом. в перв. пол. XII в.); его брат Сырчан.
3. Кончак сын Отрака (упом. с 1172 по 1203 г.); его брат Елтут.
4. Георгий Кончакович (упом. с 1205 по 1221 г.).

Первое звено этой генеалогии соответствует старшему слою былинных врагов Руси:

Шарукан и Сугра — Кудреван и Скурла.

Следующие звенья в былинах спутаны; Кончак назван не внуком, а сыном Кудревана-Шарукана, а сын Отрак назван зятем Кудревана. Тем не менее, подчиненное положение младших ханов во всех былинах строго соблюдено. Практически мало вероятно, чтобы Кончак мог принимать участие в походах своего деда; очевидно, это — результат былинотворчества XII—XIII в., слившего воедино образы нескольких половецких ханов одной династии Шаруканидов, одинаково грозивших Руси на протяжении полутора столетий. Важно то, что былины сохранили правильное соотношение младшего и старшего поколения ханов и поэтому в былинном Кудреване — Турканине мы должны видеть летописного Шарукана.

Эпоха Шарукана — это эпоха страшного и длительного половецкого натиска, начавшегося походом самого Шарукана в 1068 г. и закончившегося тяжелыми походами Тугоркана и Боняка в самом конце XI в. С именем Шарукана, поставившего свою столицу рядом с русскими землями (город Донец близ современного Харькова), связаны сорок лет половецких набегов.

В некоторых былинах имя этого хана, впервые приведшего на Русь половецкие орды, сохранилось в менее искаженном виде, чем в цикле о Кудреване:

«На широком раздолье Шарк-великан похаживае,
На широко раздолье Шарк-великан посматривае
Что не любо — мечом булатным раскрыивае
Что не любо — ногами железными вытаптывае,
Огнем жгучим божий люд им подымается,
Ко святой Руси Шарк-великан широку дорожку прокладывае
Жгучим огнем уравнивае
Людом христианским речки-озера запружизае;
Во дикие леса люд христианский российский разбегается»⁵¹.

Данная былина, являющаяся возможно поздней переработкой древнего духовного стиха, сохранила воспоминание о каком-то грандиозном походе на Русь, где Шарку-великану были противопоставлены не только богатырские силы, но и высшие покровители «святой Руси» — богородица, Христос и Никола. Кончается этот стих-былина тем, что русский богатырь побеждает кровожадного врага:

«Шарка-великана ён до дому дотаскивае
Посмеянье великое делае
Славушку себе добрый молодец сохраняе».

Былины о Кудреване — Шарке-великане мы должны сопоставить с летописным рассказом о первом походе Шарукана и его последствиях для Киева и киевского князя. Позволю себе напомнить схему событий 1068 г.

⁵⁰ ПСРЛ, т. 1, СПб., 1846, Лаврентьевская летопись, стр. 241 и 272; Ипатьевская летопись 1111 г. стр. 264—266.

⁵¹ П. Н. Рыбников, т. II, стр. 697.

I. «Придоша иноплеменници на Русьску землю — половци мнози». Войска трех могущественнейших русских князей, державших в своих руках почти всю Русь, были разбиты половцами на Альте под Переяславом. Великий князь Киевский Изяслав и его братья бежали.

II. Далее летописец очень подробно говорит о божьем гневе и наказании за грехи. В его рассуждениях много социальных мотивов, поставленных им на первое место: «Си слышаше, встыгнемься на добро»; «взищите суда, избавите обидимаго». Он часто говорит о сварах и зависти, о братоненавидении. Далее летописец переходит к обличению современников, придерживающихся языческих обычаев. Все рассуждения летописца были вполне актуальны в 1068 г., когда «обидимые» искали праведного суда, иной раз идя в этих поисках за языческими волхвами, когда «зависть и братоненавидение» толкнули Ярославичей на нарушение присяги и арест Всеслава Полоцкого, когда «злое убийство» и «нахождение ратных» являлись как бы возмездием за внутренние неурядицы.

III. Разбитые половцами княжеские и городские войска вернулись в свои города: «И людье киевстии прибегоша Киеву и створиша вече на тогровищи и реша, пославшесе ко князю: — Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони и еще бьемся с ними. — Изяслав же сего не послуша».

IV. Получив отказ, киевляне с вече отправились к воеводе в княжескую часть города («на Гору»), а не найдя воеводы решили освободить какую-то свою дружину из «погреба» — тюрьмы. Надо думать, что еще до нашествия половцев какая-то часть киевлян была арестована князем и засажена в погреб; может быть, это были сторонники полоцкого князя Всеслава Брючича, то же сидевшего в это время в Киеве под арестом в «порубе» — тюрьме без дверей: «...сташа у двора Брючича и реша: — Пойдем, высадим дружину свою ис погреба». Одна часть киевлян пошла освобождать свою дружину, а другая направилась на княжий двор.

V. На княжьем дворе, очевидно, открыто выражалось неодобрение великому князю Изяславу и, наоборот, можно утверждать, что киевляне на княжьем дворе открыто выражали симпатии Всеславу, так как один из бояр советовал Изяславу «Видиши, княже, людье възвыли; послѣ, ать Всеслава блюдуть». Когда же на княжий двор прибыли и те, кто освобождал сидевших в погребе, то бояре хотели убить узника — Всеслава, но народ успел его освободить, а великий князь бежал из Киева в Польшу.

VI. «...Людье же высекоша Всеслава ис поруба в 15 день сентябрия и прославиша и среде двора княжа.

Двор же князь разграбиша: бещисленное множество злата и сребра кунами и белью».

VII. Полтора месяца спустя черниговские войска наголову разбили половцев:

«А князя их яша Шаракана в 1 день ноября. И возвратишася с полоном в град свой Святослав».

Былинный цикл содержит все без исключения летописные эпизоды, включая даже благочестивые размышления о знаменьях:

«Выходила божья мати да богородица...
Она клала тут книгу на сер-горюч-камень
Она клала, читала, да слезно плакала:
Она слышит над Киевом невзгодушку —
Поднимается на Киев да Кудреванко царь!»⁵²

⁵² «Былины» под ред. М. Н. Сперанского, т. I, М., 1916 (далее — Сперанский. I). стр. 229.

Приближение половецких орд, шедших от моря и заполнивших все степи, в былинах о Кудреване передано поэтическим запевом о гневных турах, встревоженно бегущих из степей, от самого синего моря к Киеву. Описание несметных сил Кудревана — Шарка-великана — Шарукана и начало похода уже приводились выше. Конец похода, завершившийся пленением Шарукана, отражен в ряде былин. Шарка-великана русский богатырь «до дому дотаскивает», Калина-царя тоже захватывает в плен:

«И добивают силу турканскую
Добились до собаки царя Калина
И захватил Илья Муромец собаку царя Калина»⁵³.

Плен Шарукана был общеизвестным фактом (может быть благодаря былинам?) и спустя 120 лет после самого события. Автор «Слова о полку Игореве», описывая тяжелое положение, когда «тьма свет покрыла» и русская дружина оплакивала плененного Игоря, добавляет, что «готские красные девы воспеша на бреже Синему морю, звоня русским златом, поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю». Плену Игоря подобраны две параллели: одна напоминает о далеких событиях IV в. н. э. («время Бусово»), а другая указывает на пленение Шарукана Святославом Ярославичем в 1068 г. В «Слове» идет речь о том, что плен Шарукана отомщен: внук Шарукана Кончак пленил правнука Святослава — Игоря.

Описанное летописью отсутствие у разбитого киевского войска оружия и коней составляет один из важных элементов былин о Василии и Кудреване; Васенька, долженствующий спасти Киев, сидит в кабаке, а его конь, оружие и сбруя ратные заложены. Богатырский подвиг Василия начинается лишь после того, как князь

«Отмыкал он амбары да окованные
Выдавал он всю збрую да богатырскую
Отдавал он три вострых ему да сабельки
Отдавал три копейца да все булатные...
Отдавал ведь он тугой лук разрывчатой
Отдавал он налучище каленых стрел
Да пошел целовальничек да на конюшен двор
Выводил он коня да богатырского...»⁵⁴.

Одним из главных элементов былин об Илье и Кудреване является то обстоятельство, что в момент нашествия врагов главный русский богатырь находится в заключении в погребе. Причиной заключения «во глубок погреб» нередко выступает дерзкое стремление героя стать самому киевским князем вместо Владимира, разогнавшего богатырей из Киева и неспособного организовать отпор царю Кудреванищу:

«Пейте вы, голи, не сумляйтесь.
Я заутра буду во Киезе князем служить,
А у меня вы будете предводителями»⁵⁵.

«Тут Илья Муромец столичник отдергивал,
Снял золоты ключи —
Завтра сам буду править княжеством!»⁵⁶.

⁵³ А. Астахова. Былины Севера, т. II, М.—Л., 1951, стр. 138.

⁵⁴ Сперанский, I, стр. 236. В былинах о Волхе Всеславиче (см. ниже) большое внимание уделено обеспечению дружины конями и оружием (А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II, стр. 153).

⁵⁵ П. Н. Рыбников, т. II, стр. 127.

⁵⁶ Там же, стр. 240.

Князь Владимир, узнав о намерении богатыря, приказывает засадить его в погреб (на разные сроки), закрыть погреб решетками, засыпать желтым песком:

«Посадить его в погреб глубокие
В глубок погреб за сорока сажень
Не дать ему ни пить, ни есть да ровно сорок дней
Да пусть он помрет собака и с голоду!»

Засаженный в погреб Илья Муромец не погибает, так как его кормит княгиня или княжна, его судьбой живо интересуется киевская богатырская рать, снабжающая его в заключении даже книгами. Богатырство очень недовольно арестом Ильи и отказалось выступать тогда, когда Киев осадили враги. Илья освобожден из погреба только ради борьбы с несметными полчищами Кудревана.

Для наших целей исключительно важен былинный эпизод прихода киевлян на княжий двор (после освобождения Ильи из погреба) и те упреки, которыми Илья, как бы от имени всего киевского народа, осыпал великого князя, оказавшегося неспособным к защите Киева. Этот эпизод прямо переносит к событиям 15 сентября в Киеве, когда «люди взвыли» на княжьем дворе и предъявляли требования князю Изяславу:

«Приехали на широкий двор княженецкий
Стали князя выкликивать
.....
Стал князю Илья Муромец выговаривать:
— Ты нас не кормишь, не поишь и не жалуешь
Есть-то — пить во Кееве е кому
А заступить за Кеев град некому.
Только буде заступить за вдов за сирот
За бедных людей и за малых детей
А ни за князя Владимира»⁵⁷.

Необходимость снабдить героя конем и оружием, освобождение героя (всегда против воли княжеской) из погреба, дерзкие речи на княжьем дворе — все это очень напоминает летописный рассказ о сентябрьских событиях 1068 г. в Киеве. Даже разгром княжьего двора и дележ золота и серебра кунами и белью, сопровождавший вокняжение Всеслава, нашел свое место в былине о Волхе Всеславиче:

«А и молодой Волх тут царем насел
А и то стали люди посадские
Он злата-серебра выкатил
А и коней, коров табуном делил
А на всякого брата по сту тысячей»⁵⁸.

Как видим, все основные элементы летописного рассказа находят себе соответствие в основных элементах былин.

Против такого сопоставления может быть выставлен только тот аргумент, что в разных былинах действуют разные герои: Василий, Илья Муромец и Волх Всеславич.

Первые два имени объединены общностью ситуации, общностью имен вражеских полководцев. Возможно, что первоначальная былина XI в. повествовала и о половецком нашествии, и о недостатке коней и оружия, и об освобождении Всеслава из погреба, но при дальнейшем развитии эпоса редкое и малоупотребительное имя Всеслава могло за-

⁵⁷ А. Астахова. Указ. соч., т. II, стр. 133 и 135.

⁵⁸ «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», стр. 37.

мениться в одних случаях более знакомым именем Василия, а в других забытого князя мог заместить главный и синтетический герой русского эпоса — Илья Муромец.

Соответственно этому произошло и некоторое раздвоение эпизодов — одни из них чаще связывались с Ильей, а другие с Василием. Но важно отметить, что в этих былинах, в цикле о Кудреване у Ильи Муромца и у Василия-пьяницы проступают неожиданные, не связанные с общей обрисовкой этих героев черты князя-чародея и оборотня, каким считали Всеслава Полоцкого: Илья, освобожденный из погребца:

«Заревел-то он да по зверинуму,
Засвистел то он по-соловьиному»⁵⁹.

Василий, получив коня и оружие, выезжает из Киева не просто, а по-волшебному:

«Поехал ведь Василий не воротами
А через тую стену городовую».

Эти чародейские черты героев борьбы с Кудреваном отложились в былинах, вероятно, не без воздействия образа Всеслава. Князя Всеслава Брячиславича считали волхвом и его современники и люди конца XII в.⁶⁰

Для наших целей особенно важно выяснить, как отнеслась к Всеславу русская былинная поэзия, так как отношение к нему придворного поэта Бояна было отрицательным.

Если в цикле о приходе Кудревана герои сохранили только отдельные черты волшебника Всеслава, то вне этого цикла самостоятельно существует былина, целиком посвященная князю-волхву Всеславу; это — былина «Волх Всеславьевич». Анализом ее можно будет закончить рассмотрение вопроса об отражении в былинной поэзии событий и героев 1068 г.

Короткое княжение Всеслава в Киеве почти не отражено в дошедших до нас летописных сводах, хотя не подлежит сомнению, что у Всеслава был свой летописец, оставивший сочувственные строки об этом князе. Полнее говорит о Всеславе «Слово о полку Игореве». В противовес Бояну с его грозным пророчеством о неизбежности божьего суда над Всеславом, автор «Слова» восторженно и восхищенно воспекает стремительные походы Всеслава, окружая его образ ореолом языческой романтики и возвышая его над обыденной жизнью. Только в двух случаях автор «Слова о полку Игореве» предпринимает исторические экскурсы в эпоху, близкую к киевскому восстанию 1068 г., как бы противопоставляя друг другу двух исторических героев, различных по своему отношению к Русской земле.

Описывая гибель игоревых войск как результат феодального сепаратизма, автор вспомнил мрачную фигуру Олега «Гориславича», зачинателя усобиц, при котором «погибала жизнь Дажьдбожьих внуков». Автора не остановило то, что Олег — родной дед его князя, при дворе которого автор творил. Величие автора «Слова» в том и состояло, что он высоко поднимался над мелкими интересами отдельных князей или княжеств и раскрывал перед читателем лишь широкие общерусские идеалы.

Заканчивая свое знаменитое «златое слово» — горячий патриотический призыв ко всем князьям стать за землю Русскую, — автор предпринял свой второй исторический экскурс в ту же самую эпоху Олега

⁵⁹ «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым», стр. 538.

⁶⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 104.

Гориславича, но с целью обрисовки другой политической фигуры, выбранной им для противопоставления Олегу — колоритной фигуры Всеслава. Не Владимира Мономаха, прославленного летописцами соперника Олега, противопоставляет «Слово о полку Игореве» князю-авантюристу, родоначальнику беспокойных Ольговичей, а полоцкого князя, вероломно захваченного в плен южными князьями, а затем поставленного над всею Русью волей восставшего народа.

Автор «Слова о полку Игореве» полемизирует с наследием Бояна, выдвигая новый взгляд на Всеслава, взгляд, освобожденный от узкодинастических интересов. Восхищаясь героизмом современного ему полоцкого князя Изяслава, «изронившего жемчужную душу» на рубеже Руси в борьбе с врагами, автор напоминает о том, что этот князь — внук Всеслава, последователь славных дел своего деда. Всех современных ему князей Ярославлих и Всеславлих внуков автор «Слова» призывает вспомнить о «дедней славе» и не «наводит поганых на землю Русскую, на жизнь Всеславлю». Подготовив читателя (или слушателя) к восприятию важной исторической роли князя Всеслава, автор «Слова о полку Игореве» переходит к его характеристике.

Интересно то, что из всей долгой жизни Всеслава (а он княжил в Полоцке целых 57 лет) автор «Слова» выбрал только три года: 1067—1069, т. е. три года, кульминационным пунктом которых является восстание 1068 г. и княжение Всеслава в Киеве (1068—1069). С большим мастерством и тактом певец обошел такой щекотливый вопрос, как народное избрание Всеслава, используя хороший фольклорный мотив: князь гадал о любимой девушке и судьба определила ему Киев; в сказочном конном прыжке он «дотчеся стружием злата стола киевского»⁶¹. Далее автор лаконично, но образно рисует ряд далеких и быстрых походов Всеслава, когда он, обернувшись то волком, то рысью, скакал из одного конца Руси в другой. Здесь, может быть следуя былинной традиции, певец «Слова» не придерживается строгой хронологической последовательности и по своему усмотрению меняет чередование событий⁶². При полном отсутствии летописных данных о деятельности Всеслава в качестве великого князя Киевского (сентябрь 1068 г.—апрель 1069 г.) для нас представляет большой интерес аллегорическое описание ее в «Слове о полку Игореве». Сквозь причудливый поэтический орнамент можно разглядеть контуры реального правителя. Оказывается, что народный избранник был полноправным князем Руси; он участвовал в суде и определял междукняжеские отношения: «Всеслав князь людям судяше, князем грады рядяше». Владея Киевом, он, очевидно, продолжал сохранять связь и со своим родным Полоцком («...в Полоцке позвониша... а он в Кыеве звон слыша»). Управляя из Киева беспокойным отрядом русских князей, Всеслав «сам в ночь волком рыскаше: из Кыева дорискаше до кур Тмutorоканя». Речь идет, очевидно, о каком-то стремительном походе Всеслава из Киева в далекую Тмутаракань, где совсем недавно сидел враг его — Глеб Святославич, усмиритель восстания на Белоозере. Отправился ли Всеслав преследовать своего соперника, или по примеру двоюродного деда Мстислава Тмутараканского решил на Северном Кавказе набрать себе

⁶¹ В измененном виде этот мотив копья, которым достают до княжьего дворца, сохранился и в былинах: Илья Муромец (заместивший Всеслава) грозит Владимиру:

«Я возьму-то князь Владимир, я свое остро копые
Я сойму у тя полаты по окошочка...»

(«Беломорские былины, записанные А. Марковым», М., 1901, стр. 223).

⁶² Так, например, битва на Немиге предшествовала бегству князя из Белгорода, а в «Слове» сначала говорится о Белгороде.

дружину (так как изгнанный из Киева Изяслав в это время нанимал войско в Польше) ⁶³, или же он наносил стратегический удар откочевавшим половцам — мы не знаем, но в любом случае этот далекий поход через занятые половцами степи заставляет уважать отважного князя и восхищаться его решительностью.

«Слово о полку Игореве» и не пожалело красок для описания этого похода, сделав князя-волхва удачливым соперником самого Хорса-Солнца: «Великому Хорсови волком путь прерыскаше».

Итак, мы видим, что автор «Слова о полку Игореве» противопоставил враждебному отношению Бояна к Всеславу свой взгляд, несравненно более широкий, порожденный интересом ко всей Руси в целом, пониманием ее исторических судеб. «Внуки Всеслави» в эпоху феодальной раздробленности должны подражать своему вещему деду, очевидно оборонявшему Русь от поганых и поддерживавшему порядок среди князей. Для этого правителя автор «Слова» нашел особенные слова и образы, используя предания о князе-оборотне, князе-волхве. Автор полон симпатии к Всеславу; его поражений он не замечает, его беды вызывают сочувствие. Героя восстания 1068 г. он воспел как общерусского героя с «вещей душой в дрзе теле».

Как же отразился облик Всеслава в былинах? Нам нельзя брать для выяснения этого вопроса цикл былин о приходе Кудревана на Киев, так как в нем историческая основа сильно видоизменена. Там сохранились лишь отдельные эпизоды, отдельные детали: звериный рев или соловьиный свист Ильи, сказочный конь, перескакивающий стену городовую, богатырское копьё, которым Илья хочет снять крышу с княжеских палат, и т. п. Обратимся к былине о Волхе Всеславиче, где в самом имени героя сохранилась память о волхве Всеславе.

Былина начинается с описания волшебного рождения Волха Всеславича, сына княжны и лютото змея.

«Подражали мать сыра земля
Стряслося славно царство Индейское
А и сине море сколыбалося
Для ради рожденья богатырского».

О чародейском рождении князя Всеслава Полоцкого говорили уже в XI в.: «Всеслав, сын его (Брячислава) седе на столе его. Его же роди мати от волхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главе его; рекоша бо волсви матери его: «Се язвенно навяжи на нь, да носить е до живота своего». Еже носить Всеслав и до сего дне на себе — сего ради немилостив есть на кровьпролить» ⁶⁴.

По былине Волх Всеславич начал действовать самостоятельно уже к пятнадцати годам и знал все премудрости: он мог обернуться ясным соколом, серым волком и гнедым туром — золотые рога. Судя по долгому княжению Всеслава в Полоцке, он должен был действительно занять стол еще в юности. Поход Волха Всеславича на Индейского царя былина объясняет стремлением обезопасить Киев от этого далеко-

⁶³ Косвенным свидетельством в пользу того, что южный поход Всеслава в приморские земли был связан с набором войск, могут служить строки былины о борьбе с Кудреваном, где спаситель Киева — Илья (Всеслав) посылает рати с трех сторон:

«Которых слал от Синя моря
Которых слал от Чиста поля
А которых слал от Почай-реки»

(«Песни, собранные П. К. Киреевским», вып. 1, М., 1911, стр. 18). Это единственный случай в былинах, когда русские рати посылаются на врага, угрожающего Киеву, с берегов Синего моря.

⁶⁴ Лаврентьевская летопись 1044 г., стр. 151.

ге врага, который похвалялся «Киев град за щитом весь взять, а божьи церкви на дым спустить». Узнав об этом, Волх пошел в поход с дружиной:

«Дружина спит, так Волх не спит
Он обернется серым волком».

Соколом он летал к синему морю, гнедым туром скакал в далекое южное царство, которое победил не столько силой, сколько хитростью, «клюками», как и Всеслав в «Слове о полку Игореве». Результатом победы был богатый полон, снова заставляющий вспомнить о нехватке оружия и коней у киян в 1068 г.

«А добрые кони по семи рублей
А вострые сабли по пяти рублей
А оружие булатное по шести рублей
Палицы булатные по три рубля»⁶⁵.

В биографии Всеслава мы знаем только один южный поход — в Тмутаракань; причем известно, что ездил он туда из Киева и быстро вернулся. Думаю, что именно Тмутаракань следует видеть в той южной заморской стране, которая в каждом варианте былины называется по-разному — то Индийским, то Турецким, то Ордынским царством. После похода Волх Всеславич «царем насел», щедро наградив «людей посадских» золотом и серебром. Сопоставление письменных данных XI—XII вв. о Всеславе Полоцком с былиной о Волхе Всеславиче позволяет считать, что эта былина, как и «Слово о полку Игореве», опозитизировала князя Всеслава, сохранив ряд тех черт, которые отмечались в летописях современниками «рожденного от волхованья» князя. Князь-оборотень былины находит соответствие в единственном князе-оборотне русской поэзии XII в., князе-волхве летописей XI в.

В былиноведческой литературе Волха чаще всего отождествляли с Вольгой и возводили к историческому Вещему Олегу (879—912 гг.).

А. Н. Робинсон считал, что образ Волха является сочетанием облика Олега и Всеслава. Д. С. Лихачев тоже считает этот образ сложным, допуская, что к этим двум именам может быть добавлен еще кто-то третий⁶⁶. Оба исследователя рассматривают былинного Волха Всеславича вместе с Вольгой из былины о Микуле Селяниновиче. Мне кажется, что реальная основа этих двух былинных героев различна, как различны и их имена. Волх Всеславич никак не связан с Вещим Олегом, а целиком отвечает биографии Всеслава Брячиславича.

Большой шаг назад в истолковании образа Волха делает В. Я. Пропп, считающий, что «древнейшая основа песни о походе Волха — песня о набеге первоначально в поисках охотничьих угодий, позднее — в целях угона скота». Былина, по мнению В. Я. Проппа, «сложилась задолго до образования Киевского государства»⁶⁷. «Поход Волха отражает борьбу за охотничьи угодья и скот, имевшую место при родовом строе»⁶⁸. Словесный «звериный орнамент» былины о князе-чародее, типичный для X—XII вв., исследователи приняли за признак такого глубокого архаизма, которому должно было бы соответствовать первобытное охотничье хозяйство неолита.

⁶⁵ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II, стр. 153.

⁶⁶ А. Н. Робинсон. Указ. соч., стр. 149; Д. С. Лихачев. Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 200—201.

⁶⁷ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 72 и 67.

⁶⁸ «Былины», т. I, коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, стр. 6.

Подводя итог рассмотрению вопроса об отражении в былинах народного восстания 1068 г., можно сказать следующее.

По всей вероятности существовал целый цикл былин о нашествии половецких орд Шарукана и Сугры в 1068 г. и о народном восстании в Киеве. Былины о борьбе с половцами обростали именами других половецких ханов — Отрака сына Шарукана и Кончака — внука Шарукана. Это могло произойти на протяжении XII в. Позднее наслоились имена татарских ханов Кадана (Калина) и Батыя (Батыги).

Одним из направлений внутри цикла была былина о Всеславе, великом князе Киевском и его походе из Киева в Тмутаракань в 1068 г. Здесь облик князя-чародея сохранился удивительно четко, но стерлись задачи и цели далекого похода, исчезло имя Тмутаракани. Возможно, что в первоначальных вариантах XI—XII вв. в былине присутствовало описание и вокняжения Всеслава по воле «посадских людей».

Отношение былины к Волху—Всеславу самое положительное, можно сказать восторженное. Сказитель былины заставляет своих слушателей восхищаться князем-волхвом, его мудростью и хитростью.

Автор «Слова о полку Игореве», полемизируя с Бояном, дает оценку Всеславу, очень близкую к той, которую мы находим в былинах о Волхе Всеславиче. Вполне возможно, что автор «Слова» уже опирался на народные былины, сложенные столетием раньше, и в духе этих былин воспел смелого князя.

Народное и феодальное начала очень четко определяются при рассмотрении такого важного вопроса, как классовая борьба XI в. Придворная феодальная поэзия порицает освобожденного и избранного народом князя, а былины во всех вариантах и во всех фрагментах, которые можно возвести к XI в., прославляют и воспевают этого же самого князя Всеслава—«Волха Всеславича», позднее — Василия. В позднейших переработках, когда забылись события 1068 г. и к именам Шарукана и Сугры добавились и Батыга и Калин-царь, народ заменил в ряде былин князя Всеслава своим главным эпическим героем Ильей Муромцем.

Мне кажется, что история цикла былин 1068 г. проливает некоторый свет на спорный вопрос о народном или придворном происхождении былин: в былинах, восходящих к середине XI в., мы видим народное начало, развитое в XII в. только одним представителем феодальной поэзии — автором «Слова о полку Игореве».

(Окончание см. в следующем номере журнала.)

